

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

Тигран Мкртычев

МЕДИТАЦИЯ НА БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вот уже несколько лет каждый сентябрь я начинаю чувствовать беспокойство перелетной птицы перед отлетом в жаркие страны. В это время мне часто снится один и тот же сон. Я стою во дворе пещерного буддийского монастыря Кара-тепе и вижу, как в голубом небе над моей головой перестраивается журавлиный клин. Крики вожака – и стая начинает свое движение в Индию, туда, откуда пришло на среднеазиатскую землю учение Будды.

Пора собираться и ехать в экспедицию; сменить не только место, но и время: настоящее – на далекие прошлое, которое порой более реально, чем зыбкое настоящее, именуемое сегодняшним днем.

Однако время идет, а возможности поехать туда, где мой сон станет явью, у меня по-прежнему нет.

И тогда я достаю спрятанный на дальней полке настоящий, 95-ый зеленый чай, завариваю себе чайничек и, как советовал мне Далай-лама, начинаю медитировать перед дымящейся пилушкой на свои воспоминания.

Тигран Константинович Мкртычев – кандидат искусствоведения, заведующий сектором Средней Азии Государственного музея Востока.

МЕДИТАЦИЯ. СТУПЕНЬ ПЕРВАЯ

Я был рядовым сотрудником музея, когда руководство предложило мне возглавить музейный отряд, входящий в состав экспедиции на Кара-тепе. Требовался человек, который смог бы постоянно помогать бессменному руководителю экспедиции академику Б.Я. Ставискому в организации и проведении экспедиции на юге Узбекистана. Несмотря на то, что мне никогда до этого не приходилось копать буддийские памятники и то, что мне весьма поверхностно была знакома региональная проблематика, я согласился.

Когда меня представляли руководителю экспедиции доктору исторических наук Борису Яковлевичу Ставискому, я вспомнил, как в студенческие годы, на книжном прилавке увидел какой-то очередной выпуск материалов его экспедиции. Я долго крутил книжку в руках, раздумывая, пригодится ли она мне когда-нибудь. Тогда мне довелось уже немало поездить по среднеазиатским памятникам, но Кара-тепе в их число не входил. Да и шансов оказаться там у меня было очень немного - памятник располагался в закрытой пограничной зоне. И все же, после долгих колебаний, я купил тогда этот выпуск.

Но книжки - книжками, а работать мне предстояло в не совсем обычном месте.

Термез, откуда начинала свой путь в глубь времени каратепинская экспедиция, в те годы напоминал прифронтовой город из советских фильмов про войну: мирные дела и заботы под непрекращающуюся канонаду. Только все было правдой — на той стороне Амударьи действительно шла война. Советский Союз, как умел, помогал братскому афганскому народу.

Въезд в город осуществлялся по пропускам. На командировочных удостоверениях в районном отделе милиции по месту жительства ставился особый штамп, свидетельствующий о моей благонадежности. Честно скажу, большую ответственность брали на себя московские милиционеры. А уже на месте, в Термезе, пограничники патрулировали вокзал, и к прибытию поездов оцеплялся пер-

рон; в аэропорту проверяли документы прямо на взлетной полосе. На дорогах, ведущих к городу, стояли посты, контролирующие въезд иногородних.

Еще больше досталось древнему городу — Старому Термезу, где собственно и находится Кара-тепе. Его значительную территорию огораживала колючая проволока, закрывая от внешнего мира воинскую часть, пограничную заставу, огромное стрельбище и многочисленные памятники, которые были сколь известны, столь и мало доступны исследователям среднеазиатской древности.

Попасть на городище можно было уже только по спецпропускам. Их оформляли заранее, отправляя анкетные данные участников экспедиции пограничному начальству. Оттуда приходила команда в Термез: «разрешить», и в погранотряде по предоставлению паспортов нам выписывали невзрачные бумажки, которые и служили пропуском в историю.

Современная дорога на Термез проходит через восточную часть средневекового городища. Если смотреть в сторону реки, то с трассы можно увидеть и холмы Кара-тепе, и массивные стены цитадели, и мавзолей известного мусульманского мистика Хакима ат-Тирмези. Нам туда, и наша экспедиционная машина поворачивает с дороги сегодняшнего дня на дорогу в прошлое. Городище встречает нас средневековыми городскими стенами, которые долгие годы служили верной защитой жителям Термеза, а теперь нуждаются в защите сами. Их безжалостно прорезают современные дороги, каналы, оставляя проломы не только в древних кладках, но и в истории фортификации.

Чем дальше мы едем, тем больше мы углубляемся во времени, пока не оказываемся у двустворчатых ворот, закрытых на большой амбарный замок. За воротами начинается закрытая территория. Вот где можно понять суть высказывания — граница на замке. Привратники в армейской форме, с автоматами и в домашних тапочках на босу ногу — жарко! — начинают с безразличием читать

список лиц, допущенных в святая святых. Твое дело только вовремя сказать: «Я!» — и никто не будет на тебя смотреть и спрашивать, под чьим именем ты сегодня попадешь в прошлое.

Наконец процедура проверки закончена, и перед нами распахиваются створки ворот. Мы въезжаем на территорию военного объекта и сворачиваем на городище. Асфальт заканчивается, начинается пыль веков.

МЕДИТАЦИЯ. СТУПЕНЬ ВТОРАЯ

Древний Термез первоначально был маленьким таможенным пунктом на переправе через Амударью в далекой сатрапии Ахеменидской империи, именуемой Бактрия. От этого времени сохранилась небольшая возвышенность, которая теперь носит название Малый Чингиз. Во время походов Александра Македонского на Восток его воины могли где-то здесь переправляться через Амударью, устремляясь в цветущие долины Средней Азии. Античные историки сохранили название пункта переправы: Пардагви — гостиница. Чуть позже, для того чтобы контролировать переправу и ситуацию в регионе, на этом месте эллинистические правители Бактрии строят прямо у реки крепость, стены которой до сих пор возвышаются над всем городищем. Эта крепость на многие века стала цитаделью города, получившего название Тармита.

История Старого Термеза — Тармиты знает множество событий и причин, которые определяли его развитие во времени. Политические катаклизмы, проблемы водоснабжения, развитие ремесла, торговли — все это так или иначе оставило свой отпечаток на его руинах. Но, пожалуй, одним из самых значимых явлений в жизни города на протяжении нескольких столетий был буддизм.

Буддизм возник в Индии в V в. до н.э., когда в сложившейся ситуации господствующий в то время брахманизм не смог ответить на извечный вопрос — как жить? Тогда царевич-отшельник, а затем просветленный особым знанием Будда предложил свой вариант модели поведения и мировоззрения. Срединный путь, следовать которому надлежало ученикам и последователям Будды, состоял в отказе от аскетизма и в преодолении человеческих слабостей. Со временем буддизм вышел за пределы Ин-

дии и из локального учения превратился в мировую религию.

Согласно заветам Учителя, буддийские монахи не могли принимать участие в труде ни на собственное благо, ни на благо других. Им надлежало жить подаянием, вкушая пищу только до полудня. Неслучайно поэтому буддийские монахи были всегда очень заинтересованы в политически стабильном и экономически сильном государстве, где правители и народ благоговейно внимают их проповедям и регулярно жертвуют монахам пропитание, а всей общине средства на строительство новых буддийских храмов и монастырей.

Своим появлением на среднеазиатской земле и столетиями благополучия буддизм был обязан древнему народу — кушанам. Выходцы из центрально-азиатских степей прошли долгий путь во времени и пространстве, прежде чем основали в первом веке нашей эры огромную империю, которая объединила центрально-азиатские земли и северо-западную Индию. Сейчас кроме специалистов мало кто знает о кушанской империи, а в III в.н.э., когда китайский разведчик писал своему императору донесение о Западных странах, обрисовывая геополитическую ситуацию, он разделил весь мир между тремя правителями — римским, китайским и кушанским.

Один из самых знаменитых кушанских правителей — Канишка, царствовавший в начале II в.н.э., даже вошел в буддийскую традицию как последователь и щедрый покровитель буддизма. При Канишке состоялся IV Буддийский собор в Кашмире, который нередко сравнивают с Никейским собором 325 г., созванном при Константине Великом. Однако такое сравнение заставляет вспомнить и то, что Константин, будучи покровителем христиан-

ства, крестился лишь перед своей смертью. То же, по-видимому, было и с Канишкой, принадлежность которого к буддизму носит явно легендарный характер. Если обратиться к монетному чекану Канишки, в котором, как принято считать, декларируется государственная идеология, то здесь мы найдем изображения более двадцати различных богов – от египетского Сераписа до иранского Митры. Встречаются и изображения Будды. Но, судя по всему, Будда – только одно из божеств синкретического пантеона, и отнюдь не самое главное. Очевидно, объединив под своей властью огромные земли,

населенные людьми различных верований, кушаны проводили политику, которая в наши дни получила бы название «конфессиональный плюрализм».

В этих «равных» условиях буддисты, благодаря хорошо организованной пропаганде, получили поддержку государственной верхушки кушан, что помимо духовных заслуг, возвеличенных последующими летописцами, принесло и определенные материальные дивиденды. С конца I в. н.э. по всей кушанской империи развернулось широкое строительство буддийских сооружений, к числу которых можно отнести и пещерный монастырь Кара-тепе.

Будда. Глино-ганчевая скульптура. II в.н.э.

Я могу быть не прав, но считаю, что нет ничего скучнее и печальнее старого археологического раскопа. На протяжении столетий время упорно закрывает какую-то свою очередную страницу, разрушая ее, посыпая ее песком, заноса глиной, мусором, покрывая дерном. И это до тех пор, пока не приходят археологи и не начинают методично, с научным педантизмом (или, что значительно хуже, без него), копать в материализованном времени. В результате на свет извлекаются вещи, о которых следовало бы говорить в прошедшем времени — они были.

И вот материальные свидетели прошлого снова существуют в настоящем времени, их держат в руках счастливые исследователи, наши современники. Но для большинства из этих находок время не прошло даром. Они продолжают свою жизнь уже во фрагментах; они боятся сегодняшнего света и воздуха; они требуют заботы и внимания специалистов-реставраторов. В противном случае они погибнут, но теперь уже навсегда. Как правило, их все-таки спасают. Отдельным шедеврам везет больше, и их в первую очередь реставраторы доводят до состояния музейного экспоната, которому уготована долгая жизнь в музейных коллекциях. Судьба других более печальна, и их возрождение откладывается на долгие годы: нет денег, не доходят руки, да мало ли что еще.

Отличие от вещей, на долю археологических раскопов выпадает еще менее завидная участь. Раскоп, как место получения информации, интересует исследователей только в процессе работы. Но вот объект докопан; открыта доселе неизвестная страница истории; она расчищена, зарисована и... покинута. Редко какой раскоп удостоивается чести музейфикации, на это просто нет средств. А дальше время возвращается к тому процессу, который был прерван вторжением современной науки — оно начинает опять восстанавливать свой материализованный слой. И перед нами предстает печальная картина превращения научного объекта вновь в руины. Иногда его навещают, как навещают могилу известного человека. Родственники (бывшие

раскопщики) при этом ностальгически вспомнят и расскажут что-то живое из его «научной карьеры», ученые-коллеги с заинтересованным видом посмотрят на измененный временем портрет знаменитости, а случайные визитеры равнодушно будут взирать на якобы прославленную персону.

Что человеческая жизнь для истории?

— Миг.

Какова вероятность совпадения двух мгновений — жизни раскопа и жизни человека?

— Ничтожна.

И каждый раз, оказавшись на старых раскопах, я повторяю: либо раньше, либо позже, но не сейчас.

Так было и в первый год на Кара-тепе, где мне пришлось пережить смешанные чувства при виде величия и простоты, могущества и убожества всемирно известного памятника, который раскапывался уже долгие годы.

Произнося слова «пещерный монастырь», большинство людей представляют себе отвесные скалы, таинственные ущелья, пещеры, набитые сокровищами и скелетами.

Здесь все было прозаичнее: в пологих желтоватых холмах, возвышавшихся над горизонтом, темнели провалы засыпанных и обвалившихся пещер. Вблизи это был типичный старый раскоп. Опывшие стены дворов и каких-то помещений, сложенные из сырцовых кирпичей, по периметру примыкали к подрубленным склонам песчаниковых холмов. Из дворов небольшие арочные проемы вели в пещерные коридоры. Не очень длинные и не очень короткие сводчатые пещеры с небольшими темными помещениями. И ничего таинственного в них на первый взгляд не было — современный мусор, старые и новые завалы.

Однако, присмотревшись к современному бытию буддийского монастыря, можно было почувствовать величие бывлой истории и множества тайн каких-то трагедий, произошедших здесь.

Весь памятник, как одну из приграничных возвышенностей, опоясывала извилистая лента современных окопов, к которым примыкали ямы капониров и дыры блиндажей.

Окопы прорезали монастырские стены; капониры разрушали сложившийся столетиями рельеф, блиндажи нахально соперничали с буддийскими пещерами.

Кроме того, холмы Кара-тепе служили задником — и увь! — не натуральных декораций к историческому фильму, а современного армейского стрельбища. И вот уже много лет памятник регулярно расстреливают во время учебных занятий. Поверхность каратепинских холмов густо усеяна различными пулями и всевозможными осколками.

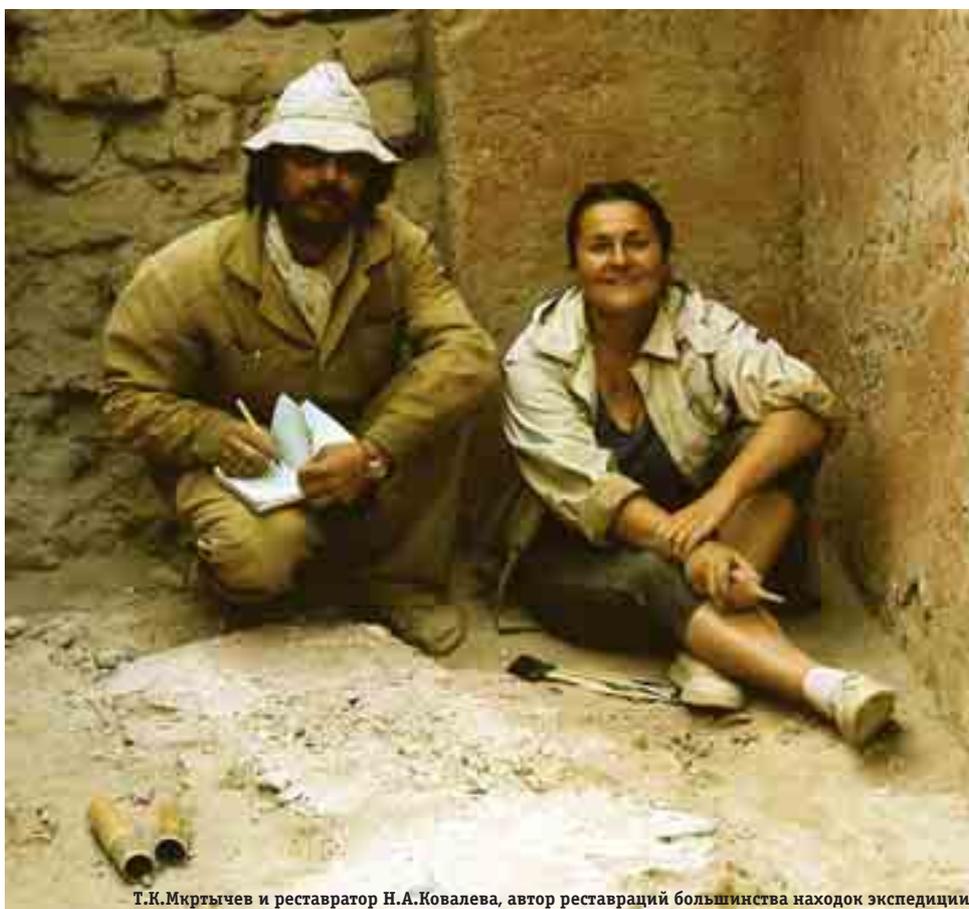
Все эти обстоятельства выглядели нарочно придуманной ветошью, призванной усложнить изучение памятника. Помню, как в начале моей работы мне было разрешено заложить новый раскоп на южном холме.

При выборе места я прежде всего старался найти участок, который не был бы обезображен окопами и был бы безопасным во время обстрелов. Обычно было принято прерывать раскопки во время стрельбы и либо отсиживаться в пещерах, либо выходить с памятника. Но это превращало работу в сплошные перемены, а меня, в те годы по-европейски торопившего время, это не устраивало. Высота южного холма, за которым находился мой раскоп, должна была гарантировать мне возможность

ведения раскопок во время обучения личного состава тогда еще Советской Армии огневой подготовке. И когда я впервые услышал рожок, возвещающий о начале стрельбы, я решил героически продолжить работу под свист пуль. Однако не повезло, в тот день стреляли из гранатометов. Мне рассказывали потом, что, когда разрывы учебных гранат легли поблизости от моего «безопасного» раскопа, я, как ящерица, выскользнул из него и «перетек» в безопасную пещеру. На только что начерченном плане моего раскопа, который я позорно бросил в тот момент, появилась дырка, оставленная одним шальным осколком.

Кстати, все наши (Б.Я. Ставиского и мои) долгие душевительные разговоры с армейским начальством относительно исторической значимости памятника и необходимости переноса стрельбища упирались в рассказы об огромных средствах, которые нужно было затратить, чтобы оборудовать новое место, где защитники Отечества могли бы практиковаться в стрельбе.

Я всегда задумывался над тем, что же определило нынешнюю судьбу монастыря? Ведь согласно учению Просветленного, то, что есть сегодня, является результатом прошлого...

Т.К.Мкртычев и реставратор Н.А.Ковалева, автор реставраций большинства находок экспедиции.

МЕДИТАЦИЯ. СТУПЕНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СОН

В результате многолетних работ экспедиции на Кара-тепе открыто более десятка небольших самостоятельных буддийских пещерных монастырей и один наземный монастырь, целиком занимающий весь северный холм. Как правило, каждый пещерный монастырь включал несколько помещений, вырубленных в холме, двор и некоторое количество наземных построек, сложенных из сырцового кирпича. Обычно у таких монастырей существовали помещения второго этажа, располагавшиеся на вершине холма, которые практически не сохранились.

Судя по планировке, каратепинские пещерные сооружения восходят к пещерным храмам и монастырям Западной Индии. Очевидно, среди пришедших в кушанское время в Термез последователей «срединного пути» были и те, кто выполнял у себя в Индии в общине роль смотрителей над строительными работами. Именно они могли принести сюда чертежи и планы пещерных сооружений, которые воспроизводили прославленные среди буддистов памятники Западной Индии.

Как показывают эпиграфические находки на Кара-тепе, строительство каратепинских монастырей осуществлялось на средства термезской знати. Среди них — наместник Термеза, сын наместника Термеза по имени Гондофар, некий военачальник, казначей. Были ли они сами буддистами или покровительствовали учению — кто сейчас ответит на этот вопрос? Так или иначе, они финансировали работы по строительству буддийских памятников неподалеку от города. А судя по многочисленным просчетам и ошибкам при сооружении первых пещерных помещений, его осуществляли местные строители, не имевшие опыта возведения пещерных памятников. Однако со временем они достигли необходимого уровня мастерства, и пещерные монастыри приобрели все-таки ту планировку, которая была запечатлена на индийских чертежах.

Сейчас трудно сказать, сколько времени требовалось на сооружение одного такого небольшого пещерного монастыря. Но, веро-

ятно, не прошло и пятидесяти лет со дня начала строительства, как каратепинские холмы оказались плотно застроенными буддийскими монастырями. И в дальнейшем, на протяжении последующих примерно ста лет, они существовали все вместе и производили на современников впечатление большого буддийского культового центра.

Анализ планировки дает основание утверждать, что пещерные монастыри были рассчитаны на постоянное проживание очень небольшого числа монахов. Пещерные кельи могли вместить одного, иногда двух обитателей. Размеры жилых помещений на вторых этажах свидетельствуют, что и там могло проживать два-три человека. Таким образом, в каждом пещерном монастыре находилось не более пяти человек.

Жившие в каратепинских монастырях буддисты были, по-видимому, образованными, грамотными людьми. Они оставили большое количество надписей черной тушью на керамических сосудах, выполненных индийскими письменами *кхароштли* и *брахми*, а

Будда. Глино-ганчевая скульптура. III в. н.э.

также бактрийским письмом. Надписи индийской письменностью указывают на традиционное образование буддийских монахов в Индии, где наряду с постепенно выходящим из употребления кхароштки широко использовали брахми. Надписи на бактрийском письме свидетельствуют о влиянии мирской жизни на обитателей монастыря. Возможно, что среди монахов были и бактрийцы.

По надписям нам известно, что наряду с простыми монахами *бхику* в каратепинских монастырях жили и другие категории верующих. Монах, известный своим благочестием, награждался эпитетом «благой». Другого монаха, который выступал как проповедник учения, называли «проповедник *дхармы*». А достигшему определенных успехов на этом поприще присваивалось звание «известного проповедника *дхармы*».

Сохранились и имена некоторых каратепинских монахов — Буддхашира, Буддхамитра, Дживананда. Причем, по надписям с именем Буддхашира, можно проследить рост его положения внутри общины — от простого монаха до «известного проповедника *дхармы*», когда от более низких уровней, требующих «слушать», «учить наизусть», «держаться в голове», он достиг уровня «разъясняющего», «исследующего *смысл*».

Согласно каноническим правилам монастырского общежития, монахам запрещено иметь собственность, помимо особо оговоренных вещей. В этот минимальный перечень входили одеяние, пояс, бритва, игла, ситечко для процеживания воды (чтобы не проглотить с напитком какое-либо живое существо), сосуд для сбора подаяний — патра. Однако в каратепинских надписях можно прочитать: «Сосуд личный ученика Бхадрагоши», «Этот сосуд для воды монаха...». Всевозможные дары, в том числе и деньгами, приносимые в монастыри богатыми мирянами, служили искусом для каратепинских монахов. И уже в одной из надписей на сосуде за благочестивой формулой, используемой в начале, звучит опасение монаха за свое имущество: «Благо! Ом! Этот сосуд для воды монаха шраваки Дживананды. Пусть никем не будет унесен». А другая надпись вполне может поставить под сомнение честность каратепинских обитателей монастырей: «Внимание! Личное! Никому не уносить! Кто уносит, тот вор!»

Очевидно, не все буддисты каратепинских монастырей точно следовали заветам своего Учителя.

Как протекала жизнь монахов? В молитвах, ритуалах. О некоторых мы можем догадываться, некоторые действия можно рекон-

Бодхисаттва Сиддхартха.
Глино-ганчевая скульптура. III в. н.э.

струировать. Так, судя по чистоте, которая соблюдалась в монастыре на протяжении почти двухсот лет его существования, в круг ежедневных обязанностей входило подметание пола. И такая хозяйственность буддийских монахов на Кара-тепе отнюдь не случайна.

Известно, что Будда специально обращал внимание на пять заслуг, приобретенных монахами от подметания. При этом он приводил в пример некоторых монахов, которые достигли нирваны, созерцая только что выметенные ими полы.

Во дворах и специальных помещениях каратепинских монастырей некогда располагались мемориальные буддийские сооружения — ступы. Монолитный барабан, перекрытый полусферой купола, которую венчала высокая мачта с зонтиками в несколько ярусов. Нередко мачты украшались флагами, с зонтиков свисали колокольчики. Со времени ухода Будды в нирвану ступа — это место сохранения реликвий, первоначально праха Будды, и модель буддийского космоса одновременно. Ступам поклонялись, вокруг них совершали специальный обход — *прадакшина*. От всего былого великолепия на Кара-тепе остались только основания, каменные блоки облицовки, фрагменты зонтиков.

Что же происходило в самих пещерах? Трудно сказать точно.

В помещениях, расположенных в центральных устоях, удалось обнаружить только ниши и гнезда для каких-то конструкций в стенах. Очевидно, там устраивались своего

рода полки, на которых выставлялись реликвии — небольшие статуэтки, различные атрибуты. Таким образом, проходя по пещерному обходному коридору, буддийский монах совершал ритуал обхода вокруг святыни — прадакшана. В коридорах пещер зимой могли собираться монахи для своих собраний. В одном месте сохранились следы от поста-мента, на котором когда-то располагалась монументальная статуя Будды, служившая объектом поклонения.

Нам известно, что среди каратепинских монахов были представители школы *махасангхиков*. В этой школе на рубеже нашей эры впервые начали разрабатывать доктрину о божественной природе Будды и существовании *бодхисатв*. Так почти через четыреста лет после своего возникновения буддизм из учения о том, как надо жить, стал трансформироваться в учение о том, во что надо верить. И одним из следствий этого стало формирование канонического искусства, представляющего образ Будды и бодхисатв, а также детальная разработка многочисленных ритуалов, вовлекающих мирян в жизнь буддийской общины.

Можно с большой долей уверенности предположить, что пещерные монастыри Кара-тепе, где проживало несколько монахов, были рассчитаны на прием посетитель-лей — мирян.

Уже издали, из города, миряне благоговейно взирали на возвышающиеся шапки ступ, увенчанных высокими мачтами с развевающимися флагами и звенящими колокольчиками. При входе в монастырь следовало купить гирлянду цветов или светильник, который тут же возжигали. Среди обычных подношений, которые миряне несли с собой в монастырь, были и керамические сосуды с питьевой водой и пищей. Вступая во двор монастыря, мирянин оказывался на вымощенной дорожке, которая определяла его движения и действия. Он проходил мимо резервуара — здесь было необходимо совершить омовение. Послушник поливал ему на руки из специального сосуда, именуемого кундика. Вот мирянин вступает под сень айвана — колоннады с плоским навесом, — и перед ним у боковой стены оказывается специальная конструкция, перед которой ему следует оставить свои дары. Фасадная стена айвана украшена скульптурой Будды или его живописным изображением, и мирянин склоняет колени. Он взирает на благостный образ «Так пришедшего», и в это время, возможно, до него из пещерных помещений доносится голос монаха, читающего молитвы. Однако миряне туда не допускаются.

Шли годы, монастырь процветал, но случилось так, что могучая Кушанская империя

распалась под ударами войск Сасанидского Ирана. Несмотря на то, что этот район был завоеван иранцами, следы пожаров и погромов на Кара-тепе не были обнаружены. Правда, в одной пустующей пещере писец сасанидской армии по имени Зик уже в середине IV в. положил начало солдатским посетительским надписям, которых сейчас в раскопанных пещерах видимо-невидимо. Скорее всего, новые правители Бактрии не разрушали буддийских памятников. Исповедуя древнюю иранскую религию — зороастризм, они просто были не столь благосклонны к буддизму, и это, в конечном итоге, привело к резкому сокращению потока дарений, за счет которых в основном и существовал буддийский центр. Поэтому монахи стали постепенно уходить в другие земли, где они могли пребывать в большом достатке.

Тогда же (примерно с первой трети IV в.) в заброшенных помещениях и покинутых пещерах бывшего буддийского центра горожане Термеза, согласно принятому в то время обычаю, начинают хоронить своих покойных. Вероятно, утратившая свое влияние буддийская община не могла противостоять тому, что в качестве кладбища были выбраны пустующие помещения монастырей, и была вынуждена по-буддийски смиренно выносить такое соседство. Хотя проходы в занятые погребениями помещения и пещеры обычно замуровывались сырцовым кирпичом, как бы ограждая мир живых от мира мертвых.

Некоторые данные говорят о том, что еще в VI в. буддисты по-прежнему занимали на Кара-тепе некоторые пещерные монастыри или их отдельные части.

В 630 г. Термез посетил известный китайский паломник Сюан Цзан. В рассказе о своем путешествии он упоминает 12 монастырей, в которых проживало около тысячи монахов. Однако до сих пор нет никаких материальных свидетельств существования буддизма в Термезе (или в его округе) в это время. Не исключено, что автор отразил в своих записках бывшее величие буддийской общины Термеза.

Даже если представить, что дела буддизма складывались здесь столь благополучно, как об этом пишет Сюан Цзан, могущество буддизма в Средней Азии очень скоро было окончательно подорвано арабским завоеванием. В 667 г. арабские войска впервые переправились через Амударью и совершили набег на столицу района, расположенного по соседству с Термезом. А в 676 г. наместник Хорасана Саид ибн Осман захватил Термез. Письменные источники и археологические данные единодушны в том, что воины ислама

под зеленым знаменем пророка Мухаммеда безжалостно уничтожали языческие храмы Средней Азии, разбивая идолов, сбивая со стен сюжетные росписи. Но следов «неминуемых» арабских погромов на Кара-тепе не обнаружено. Наверное, дело было в том, что к этому времени некогда огромный буддийский культовый центр уже представлял собой оплывшие руины. И лишь разрушенные заклады проходов в полузасыпанные пещеры притягивали к себе не только любопытных людей, но и тех, чья вера отличалась от правоверного ислама.

О том, что в духовной жизни Термеза мусульманского времени все было не так просто, говорит сохранившийся до наших дней средневековый мавзолей известного мистика ал-Хакима ат-Тирмези, умершего в конце IX в. Его жизнь не была легкой. Чувствуя духовную неудовлетворенность, он уединялся от людей, умерщвлял плоть. После постижения истины он проповедовал, подвергался гонениям, скитался, но в конце концов

вернулся в родной город, где и умер в окружении учеников и последователей. Он был одним из тех, кто первый среди мусульманских теологов, предшественников мистического направления — суфизма, начал проповедовать «любовь к Богу», говорить о существовании «печати святых» наряду с «печатью пророков», учить постигать тайный смысл вещей и «саму божественную сущность». В длинной эпитафии, вырезанной на надгробии Хакима, есть одно из его изречений: «Я не сочинил ни одной буквы по заранее принятому намерению, но когда для меня наступило бедственное и тяжелое время, я находил утешение в своих сочинениях». В этих словах, как и в других трудах Хакима, чувствуется влияние буддизма и христианства. Не исключено, что последователи Хакима, а может быть и он сам, уходили в заброшенные буддийские пещеры Кара-тепе, чтобы провести время поста и постичь «божественную сущность» в удалении от людских глаз.

МЕДИТАЦИЯ. СТУПЕНЬ ПЯТАЯ

Тот, кто когда-нибудь хоть раз бывал в археологической экспедиции в Средней Азии, знает специфику здешней работы. Сырцовая архитектура древних построек, которые здесь повсеместно преобладают, со временем превращается в землю. И археологу для того, чтобы понять что к чему, предстоит нелегкая задача — отделить бывшие постройки, ставшие землей, от земли, образовавшейся естественным путем за время жизни и разрушения этого памятника. Чем хуже строили и чем запутаннее была дальнейшая судьба сооружения, тем сложнее проводить сейчас его археологическое изучение.

Есть своя специфика и на Кара-тепе. Большинство наземных сооружений буддийских монастырей кушанского времени были построены надежно и качественно. Во многих помещениях обвалились только перекрытия, тогда как сами стены сохранились со штукатуркой и раскрашенными панелями вплоть до карнизов. Раскопки в наземных помещениях не требуют той пресловутой виртуозно-

сти «поиска стенок», которой так гордятся среднеазиатские археологи. Тут стены, как стены — по качеству и по прочнее многих нынешних. Стандартный квадратный кирпич, из которого строили в кушанское время, можно использовать для строительства хоть в наши дни.

Однако с пещерными помещениями каратепинские строители сплеховали: где свод со временем стал обваливаться, где еще что-то начинало рушиться — короче, приходилось монахам уже по мере функционирования монастырей тот или иной участок пещерных помещений выгораживать из обхода — от греха подальше, как бы какого-нибудь брата не придавило ненароком. А для современных исследователей остаток их кирпичных выгородок не более чем предупреждение — осторожно! возможен обвал, — а не категоричный запрет — стой! дальше хода нет. Поэтому очень неудобно работать в пещере, когда ты ее только раскрываешь, очищаешь от завалов и натеков, продвигаясь вглубь холма, пытаешься понять ее планировку

и надежность. Пыльно, темно и опасно в пещере с сохранившимся сводом. Не так темно, но не менее опасно в пещерах, где свод уже рухнул. Но сам азарт поиска, манящая глубина пещер, как правило, напрочь заставляют забыть о возможных опасностях. Последствия этого могут быть самые печальные. Знаю по себе.

В самом конце полевого сезона, который совпал с концом существования «нерушимого Союза свободных республик» в одном старом раскопе был открыт лаз в маленькую боковую пещеру. По размерам лаз напоминал вход в собачью конуру для не очень крупной собаки. Тогда мне удалось просунуть туда только часть своего туловища, после чего я благоразумно ретировался. Судя по размерам, это маленькое помещение могло быть кельей для уединения и медитаций. Эту мысль я обдумывал потом почти два года, пока мы обсуждали возможность возобновления работ нашей экспедиции на земле теперь уже суверенного Узбекистана. И вот, наконец, преодолев множество препон, мы продолжили раскопки на Кара-тепе. И конечно, мне очень хотелось узнать, что

же представляет собой эта маленькая пещера. Мы начали ее расчищать, и я полез туда без оглядки, как мальчишка. Узкий лаз вел не в маленькую пещерку, как казалось вначале, а в достаточно широкий коридор. Трудно передать то ни с чем не сравнимое удовольствие, когда продвигаешься ползком с фонариком и ножом в руках по завалам и насыпям, где до тебя никого не было сотни лет. В одном месте на штукатурке свода я увидел процарапанное изображение человеческого профиля и попытался очистить его от надувного песка. Потом мне очень часто вспоминался этот момент. Стоило закрыть глаза, и я видел, как от моего прикосновения свод падает. Медленно-медленно. Дальше все мелькает, как в старом кино, — как я пришел в себя, как откапывался, как ругался, как искал фонарик и очки (странно, что они остались целы), как разгребал завал, как выбирался из-под завала к собачьему лазу. На поверхности я долго не мог встать на ноги, сидел и молча смотрел на голубое небо. Что говорить, когда

время и земля отпускают тебя из своих пещерных объятий?..

А можете ли вы представить себе, как чувствует себя человек перед входом в пещеру, заложенную сырцовым кирпичом? Конечно, зная о раннесредневековой практике погребения в заброшенных пещерах, можно с уверенностью предположить, что там будут погребения, от которых сохранились одни костяки. И скорее всего, кем-то уже потревоженные. Ведь как правило, большинство закладов еще в древности были разрушены, а необвалившиеся пещеры стали местом посещения любопытствующих и пристанищами для отшельников. Наконец, нам довелось расчистить полный заклад прохода в одну пещеру. Дальше — неизвестность, скрытая от всех за кирпичной стеной. Аккуратно вынимаются кирпичи из заклада, и дневной свет встречается с вырвавшейся наружу тьмой времени. В полумраке пещеры видна странная роспись стен и свода, пол просто усеян беспорядочно разбросанными костями, поверх которых выложена дорожка из нескольких сырцовых кирпичей.

Что это за роспись? Чьи это кости? Кто и за чем ходил по этой дорожке из сырцовых кирпичей?

Было ясно, что кто-то, не имеющий никакого отношения к буддизму, расписал стены пещеры. Для этого были использованы несколько картонов, с различными орнаментальными рапортами, служившие шаблонами для настенных росписей. Судя по некоторым признакам, эта роспись была сделана в середине VIII в. В это время господствующей верой горожан Термеза уже должен был быть ислам. Но что заставило горожан скрываться в пещере заброшенного буддийского монастыря? Может быть, эту пещеру украсила для своих собраний какая-нибудь община неортодоксальных мусульман, из которых впоследствии вышел знаменитый мистик? Это могло бы быть первой, еще неизвестной страницей в истории суфизма, иллюстрирующей всем известное буддийское влияние на исламских мистиков. Разрабатывая эту версию, я наткнулся на книгу о христианских пещерных церквях Анатолии VIII-IX вв. Роспись этих

пещер почти полностью повторяла стиль и орнаменту мою каратепинской пещеры. Итак, обитателями этой пещеры скорее всего были христиане. По-видимому, повторяя малоазийских братьев, они оборудовали себе церковь в пещере заброшенного буддийского монастыря. Но однажды их молитвы были прерваны, и та служба оказалась для нескольких людей последней. Их тела еще какое-то время разлагались в сумраке пещеры, пока кто-то не решил осмотреть убитых. Стараясь не испачкать свою

мягкую обувь, он положил на гниющие тела сырцовые кирпичи и прошел по ним по пещере. Был ли он мародером, или исполнял обряд прощания с единоверцами? Неизвестно. Ясно только, что, выйдя из пещеры, он замуровал вход в нее, закрыв в пещере случайно забежавшую туда лисицу. О трагедии животного, которое так и не смогло выбраться наружу, свидетельствуют многочисленные царапины на стенах пещеры, на которые оно, обезумев, бросалось в тщетной попытке вновь увидеть дневной свет.

МЕДИТАЦИЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Во что верить? Этим вопросом нередко задаешься, когда оказываешься в клубке времени. Помню, как, расчищая двор монастыря, я наткнулся на фрагмент настенной живописи — из земли на меня сквозь полуприкрытые веки всепонимающим взглядом смотрел Будда. А возвращаясь с раскопа, я посетил мавзолей Хакима. Перед могилкой мистика я долго сидел в размышлениях о знаках свыше, умение читать которые наполняет жизнь особым смыслом. С местным имамом мы пили зеле-

ный чай с лепешками и виноградом и разговаривали о том, какая вера истинная. И пришли к выводу, что на руке пять пальцев, и если бы Богу было угодно, то был бы всего один...

А потом я сидел в лагере на веранде и смотрел на голубое озеро, возле которого мы жили столько лет. И все было как в сказочном сне: золотая теплая осень, безмятежность духа, и где-то рядом буддийский культовый центр, откуда доносилась беспорядочная стрельба. А когда я открыл глаза, то увидел пиалушку с остывшим зеленым чаем на столе.

Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Под ред. Б.Я. Ставиского. — М., 1996. // 1 97-4/15-3; 1 97-4/16-1.

Вертоградова В.В. Индийская эпитафика из Кара-тепе в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации. — М., 1995. // 9 96-4/2426-х; 9 96-4/2425-1.

Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. — М., 1977. // Б 77-11/1031; Б 77-11/1032.

Ставиский Б.Я. Четверть века на Кара-тепе. — Ташкент, 1986. // 2 86-15/54-9; 2 86-15/55-7.

Stavisky B., Mkrtychev T. Qara-Tepe in Old Termez: On the History of Monument // Bulletin of the Asia Institute. — Bloomfield Hills, 1996. — Vol.10. — p. 219-232.